

Рябов Гелий

18/8/89

ИНТЕРВЬЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ РОССИИ»

— Гелий Трофимович, как вы относитесь к откликам, подобным опубликованному в «Советской культуре»?

— Мне жаль, что «Советская культура» поместила только это письмо, я знаю другие мнения. Мне не хочется повторять их — слова хвалебные, часто велемечивые, это не нужно, а роль моей работы скромна. Ее смысл — в восстановлении исторической справедливости.

Если мы думаем, что у нас есть какие-то особые ценности, то мы не понимаем вообще значения категорий добра и зла. Они-то неизменны, они внутри человека. Мне часто говорят историки: как вы не понимаете, что в то время каждый из революционеров свято верил в революционную правду и действовал во имя ее. А я отвечаю, что добро и зло постоянны, не может быть одного добра сегодня, а другого в 1917 году, добра Ленина и добра Горбачева. Добро — это совесть. Совесть пишется правильно через дефис: со-весть, весть для всех, весть, объединяющая всех, весть над нами. Она при Ленине, Пугачеве, Стеньке Разине, Екатерине II, Сталине, Троцком и Адольфе Гитлере одинакова для честных и нравственных людей, разных правд не бывает, одна правда от Бога, вот и все.

Остановимся. Параллелизм прежние книги Гелия Рябова. В одной из них, «Я — из контрразведки», появляется собственной персоной Янов Михайлович Юровский, комендант Дома особого назначения, руководивший расстрелом царской семьи. Он не относится к тем героям, которые симпатичны автору, но антипатия скорее человеческая, а не идейная. Вот монолог Юровского: «...Мы испытывали ли я угрызений совести или муку души? Нет, не испытываю... Вот товарищ Ленин, например, как он говорит: «Диктатура пролетариата есть власть, никакими законами не ограниченная, и опирается эта власть на насилие». Это первое. Второе. Романовы триста лет давили народ и пили его кровь. Они были исторически обременены: и государственно и лично... Я действовал по убеждению, во имя революции, для блага народа и государства... Хочу верить, что и те, счастливицы, которые будут жить после нас, будут исповедовать эту простую истину: мы пролили черную кровь, мы с криками вырвали самую мысль о возврате самодержавия».

А вот размышления персонажей «Повести об уголовном розыске», которая легла в основу фильма «Рожденная революцией». Персонажей, глубоко положительных и автору вроде бы дорогих: «...Программа, которую предложил Владимир Ильич на десятом съезде, — истина, это не вызывает сомнений!.. Что лучшего смогли предложить оппозиционеры и полупозиционеры всех мастей? Ничего! А раз так — мы не только имеем моральное право бороться с ними — мы обязаны, мы не имеем права поступать иначе, потому что идущие нам на смену поколения не простят этого...»

«То, о чем рассказывала сейчас эта женщина (на XVII съезде ВКП(б). — М. К.), было удивительным, невероятным достижением! Это достижение не могло померкнуть даже рядом с Днепрогэсом и Беломоро-Балтийским каналом. «Нет, — подумал Коля, — прекрасное время! Великое! Люди начинают жить хорошо, а это, в конечном счете, самое главное!»

— Гелий Трофимович, что привело вас, преуспевающего кинодраматурга и литератора, к такой резкой смене позиций?

— Пытается упрекнуть меня в безнравственности? Я не могу сказать, что мне стыдно. Не стыдно не в том смысле, что я горжусь, а не стыдно, так как это часть моей биографии. А отречения от собственной биографии не украшают человека, не отрываются — были эти слова в моих книгах. Не нужно ни снисхождения, ни снисхождений. Подойдем объективно — в конце концов общественное бытие определяет общественное сознание, и я был человеком своего времени, его продуктом.

Могут попытаться реабилитировать себя в ваших глазах: в «Повести об уголовном розыске», например, обозначен 37-й год — несерьезно, конечно, но по тем временам и это было непорочно. Укажите, где отечества отцы, которых нам принять за образцы? Исключения — очень-очень редкие, — увя, подтверждают всеобщее печальное правило...

Если бы вы спросили, как развивалась моя творческая судьба, то я убежденно ответил бы вам — никак. Начали мы писать втроем, потом остались вдвоем с Алексеем Нагорным, и писания наши развивались в рамках общепринятого детектива. Какие-то поползновения соблазна призыва Добролюбова к правде были. Из-за меня у Нагорного случались неприятности. «Рожденную революцией» мы предлагали закончить фильмом «Транзит» — о наркотиках, которые транспортируют через всю страну мафиозные организации. Но нам сказали, что никаких наркотиков в Советском Союзе нет и мафии тоже, а то, о чем знает Министерство внутренних дел, всем знать не обязательно.

У меня давно было предчувствие некоей антиномии. Еще в 1962 году, когда я служил в системе МВД, я окончательно стал

понимать, что встал на путь государственного преступления, полной безнравственности, служа в организации, которая усугубляла преступное состояние государства, а не останавливала его. Я понял, что в своей деятельности не только не приношу никакой пользы, но приношу огромный вред окружающим, а через окружающих и себе. Ведь обратная связь безусловна. Тогда я стал заурядным детективистом.

Прошло сколько-то времени, и вновь возникла антиномия. На рубеже 1975 года я стал приходить к мысли, что мое бытие совершенно бессмысленно. Я понимал: то, что я пишу, нужно только мне, так как приносит гонорары. Мои книжки читают в трамвае, они не есть явление общественного сознания, то есть литература.

Но в определенный момент я вспомнил, что есть Бог, что я-то ведь тварь господня, создан Богом по образу и подобию своему не для того, чтобы я сейчас лишил себя жизни, совершив самый страшный грех, отрезающий человеку какой бы то ни было путь к будущему. Надо было обрести определенное состояние души, ведущее к состоянию тела, естественно. Это неправильно, что в здоровом теле здоровый дух, если дух здоров, то и тело здоровое. Я обрел этот здоровый дух, обрел себя в себе. Вера моя есть результат бытия.

— Примерно в это время вы занялись поисками Романовых?

— Я знал об убийстве царской семьи давно. Еще в 1952 году, когда я учился в юридическом институте, приятельница показывала мне выцветшие фотографии, видимо, перенятые из труда Николая Алексеевича Соколова. Тогда они не произвели на меня никакого впечатления. Другие были заботы, не тот возраст, соответствующее воспитание и так далее. Прошло достаточно много лет, и в 1967 году «Комсомольская правда» напечатала первое подробное сообщение об этой истории. Хотя были публикации в 1928 году, к «Юбилею» казни, но существовала фраза Сталина: «О Романовых больше ни слова». Приказ свято исполнялся. Рассказ в «Комсомолке» произвел на меня глубокое впечатление, я был уже старше, была прожита какая-то жизнь. Но и это событие не подвигло ни на что.

И вот в 1976 году я, осыпанный всеми милостями в связи с фильмом-панегириком «Рожденная революцией», я — консультант Щелокова по печати и кино (все, что было, говорю, как есть) — приехал на встречу с личным составом милиции в Екатеринбург.

— Извините, перебую: вы были консультантом министра внутренних дел СССР Н. А. Щелокова, того самого, о котором столько в последнее время написано... — Не самого хорошего, это вы имели в виду?

— Конечно. «Кость мамонта» А. Ваксберга читала вся страна. — Я не читал, но это не имеет значения. Я просил бы уточнить «формулировку»: я был внештатным консультантом по печати и кино. — Это уточнение должно обозначить вашу непричастность к «ностям мамонта»?

— Оно должно обозначить реальность. После того, как фильм «Рожденная революцией» был закончен и отмечен Государственной премией СССР, Н. А. Щелоков пригласил меня и моего покойного соавтора А. П. Нагорного на внештатную работу — вышеозначенными консультантами.

— И что же вы делали? — Пытались убедить министра в том, что кино о милиции гораздо хуже ее плохой работы в реальной жизни, а «романы» и «повести» о ней — и вообще не выдерживают критики.

— А «Рожденная революцией»? — Судить не мне, но если честно — мне нравятся две-три сцены, не более. Но я позволяю себе закончить: консультантов, подобных нам, было более ста! Номер моего удостоверения, например, был обозначен цифрой 146. И еще: раз уж газета анонсировала эту нашу беседу, соединив «консультанта» с «добром и совестью» (лихо, правда?), — я позволяю себе сказать несколько слов и об этом, то есть о добре и совести.

— Примечательно и Щелокову?

— Конечно. А почему вас это удивляет?

— Я все же читала «Кость мамонта».

— И тем не менее... В 1981 году волею судьбы и обстоятельств я оказался на улице: ночевал в парках на скамеечках, ездил в метро до закрытия, коротал ночи на вокзалах, привлекая внимание бывших коллег. Едва не стал бомжем. Киностудия «Беларусьфильм» (когда умирал мой соавтор) расторгла с нами договор и обратилась в суд, чтобы взыскать с нас деньги (которых у меня и в помине не было)...

— Почему расторгла?

— В сериале «Государственная граница» мы отказались начать фильм о Великой Отечественной войне со сцены, в которой на партсобрании обсуждаются

Вынесенная в заголовок фраза принадлежит лауреату Государственной премии СССР, автору сценариев официозных киносериалов «Рожденная революцией» и «Государственная граница». Бышему консулянту бывшего министра внутренних дел СССР. Автору опубликованной в новом журнале «Родина» повести «Принуждены вас расстрелять», рассказывающей о конце династии Романовых...

Своеобразное, но неудивительное сегодня покаяние? Или смена официозной конъюнктуры на историко-политический эпатаж, тоже становящийся на наших глазах конъюнктурой?

Журнальный вариант повести поделал читающих на два лагеря — сторонников, отстаивающих нужность публикации, которая со всей жестокостью правды открывает еще одну неизвестную страницу истории, и противников... Мнение последних прекрасно выразил москвич Ил. Окунев, так отозвавшийся в «Советской культуре» на телеинтервью с Гелием Рябовым: «С трепетом и благоговением говорили о царской семье, сокрушались о ее трагической гибели от рук жестоких, безнравственных злодеев, лишенных чувства гуманности, — словно не держали книг в руках и понятия не имеют об истории собственного народа. Кто, как не Романовы, судили, ссылали, вешали, расстреливали лучших людей России. На их совести декабристы, петрашевцы, матросы броненосца «Потемкин», жертвы 9 января, Ленского расстрела.

Один из участников передачи — пылкий изыскатель, раскопавший захоронение расстрелянных... призывает заново похоронить убиенных по религиозному обряду, чтобы на этом месте поставить памятный знак... Я слушал и ушами своим не верил. Ловил себя на мысли: не пародия ли это на современных «спикейных жилетов» из «Памяти», тоскующих о «старом добром времени»? И это сегодня, когда наш народ, весь мир потрясены трагедией в Тбилиси, когда продолжает кровоточить рана в Сумгаите и Нагорном Карабахе...»

Не станем торопиться с ярлыками, ослаблять рябовскую трактовку исторических событий, узавимую даже на поверхностный взгляд. Цель этой публикации — представить внутренний мир писателя, его поиск на пути от литературы, обслуживающей идею, к литературе, творческой и проповедующей идею. Не разделяя многих суждений Рябова, долгом своим считаем содействовать возвращению писателям основных гражданских прав мыслящих людей: права на сомнение и права на ошибку.

проблемы гитлеровского нашествия. Мы отказались «привести» на помощь пограничникам части Красной Армии, у нас пограничники (как и в реальности) погибли, а это «не устраивало» студию...

— Простите, в такое трудно поверить.

— Отчего же... Время было унылое, липкое, больное. Тогда же издательство «Советская Россия» рассыпало набор нашей с А. П. Нагорным повести «Я — из контрразведки!».

— А здесь-то что случилось? — Мы посмели процитировать В. И. Ленина, который в свое пятидесятилетие обеспокоился тем, чтобы РКП(б) не попала в положение зазнавшейся партии. Ну, и главное: Пресс-бюро КГБ СССР решило, что наш герой, чекист Марин, не имеет права любить белогвардейку, я позволяю соединиться с хорошей комсомолкой из органов...

— Вы горестно шутите...

— Я говорю чистую правду. Но вернемся к Н. А. Щелокову. В этот весьма трагический для меня момент он обратился в Моссовет и попросил выделить мне в порядке исключения однокомнатную кооперативную квартиру. Мне ее дали через год, на последнем этаже (я не жалуюсь, просто в отношении меня «могущество» Щелокова почти не сработало). С тех пор я хотя бы раз в год прихожу на Ваганьково и кладу к подножию каменных, слившихся в трагическое целое фигур цветы. Полагаю это своим нравственным долгом. Ибо заповедано нам Спасителем мира помнить Добро и тех, кто его совершил.

Сейчас скажу велемечиво и нескромно — каждый человек проходит путь Андрея Болконского. Гордыня и суета, потом небо над Аустерлицем, кроме которого нет

Гелий РЯБОВ:

высшие, призванные думать о предназначении, и те, кто должен трудиться. Нужно строить дома, рожать детей, сажать деревья, но труд — прагматика бытия, а не цель жизни, цель жизни кроется во тьме, и обнаружить ее трудно, если не просиял свет...

Я понял, что должен стремиться к соединению с Богом через творчество, через любовь. Совершив это на земле, мы заслужим и новую землю, и новое небо, тогда мы были, есть и будем всегда, иначе существование наше бессмысленно.

— А что дала вера для вашего творчества — темы, стонцизм, нравственную позицию?..

— Вот осенью выйдет сборник моих повестей, я вам его подарю. Заранее знаю, что вы предъявите мне тьму претензий, но вы не скажете, что я безнравственный человек, что я вам предложил не литературу. Ваше право ценить ее как угодно, но это литература. Я стал человеком творческим, я научился любить, а этого я был лишен всю жизнь. В соединении любви и творчества я почувствовал себя с Богом.

Еще мне кажется, что вера привела меня к нарастающему умению владеть словом. В начале всего было слово. Умение обращаться с этим кирпичиком любого литературного произведения — хлеб насущный любого пишущего, данный нам днесь. Я начинаю что-то уметь и сам это понимаю.

— Бог помогает?

— Кроме Бога, помочь никто не может. Фраза, родившаяся в России и сомнительная для атеистов. — Без Бога не до порога — это истина в последней инстанции. Бог подвигает человека ко всему. Когда человек может обрести чувство собственного достоинства до такой степени, чтобы перестать бояться? В единственном случае, когда Бог с нами. А я почувствовал: что бы со мной ни сделали, хоть пулю в затылок, — мне не страшно.

— Вы опубликовали сейчас свое исследование, потому что переменялись времена — разрешишь?

— Я не спрашивал никакого разрешения. Мне 57 лет, детей у меня нет, дети товарищей, которые работали со мной увлечены в основном разными видами зюка. Я их не осуждаю, потому что рок есть протест против гнусности окружающей действительности, они не смогут продолжить мое дело, а все мы смертны. Я решил, что коль скоро в стране создавалась такая обстановка в связи с перестройкой, то у меня есть последний шанс сказать правду. Я решил сделать это независимо от последствий, может быть, другой такой возможности у меня не будет, а я не хочу, чтобы мои изыскания канули в Лету.

— Ваша популярность сейчас несравненно выше, чем во время выезда на экраны фильма, отмеченного Государственной премией. Время славы не гнетет?

— Моё исследование — мой крест. Это ведь очень тяжело. С одной стороны кричат: взрвз защищайся, с другой стороны говорят: ты антисемит и чернотенец. А ведь поимите меня правильно: я ни с кем. Я, пользуясь оправданием Зошенко, — с пустынным Серапионом. Давайте похороним Романовых по христианскому обычаю, не осложняя свою психику рассуждениями об антисемитизме или жидомасонстве. Добиться этого — мой долг. И слава в данном случае — в руку — широкое общественное движение должно помочь осуществить мою задачу.

— А вы уверены, что найдете официальную поддержку?

— Совсем не уверен. Но я знаю, что официальные круги, если они того желают, могут найти способ, чтобы выразить свое отношение к проблемам неофициально. Если этого не произойдет, вскрытые ямы и исследование останков становятся практически невозможными, ибо предугадать реакцию местных свердловских властей никак нельзя. А ведь это поставит под угрозу тех, кто попытается предпринять исследование и, самое главное, сделает место погребения Романовых абсолютно незащищенным от любых вмешательств — и восторженных паломников, и дельцов, и ярых «революционеров», и просто толп любопытных.

— Как же быть?

— В этом печальном случае я вижу только одну возможность — Русская православная церковь должна взять на себя непорочную миссию защиты этого места на духовном и, может быть, практическом уровне. Как это сделать? Если церковь согласится, то решить несложно.

Я рискую показаться наивным, но я обращаюсь ко всем с почтительной просьбой — не предпринимать никаких шагов по обнаружению и исследованию места секретного погребения. Будем помнить о том, что любые действия подобного рода никогда не проходили бесследно и безнаказанно.

Беседу вела Мария КАМИНАРСКАЯ